# Цикл историй «Улыбки Тёмного Времени»

**Том 2**

*Оля Новая (kozhunovka@mail.ru)*

## Оглавление

Если бы....3
Подарок....13
Сельская новь....17
Птичкина радость....45
Вербная память....48
Ласточка....53
Привет скифам!....58
Притча о разделении....101
Радужное копытце....106
Родительское собрание....128
Финал как чудо....140
Пряничек....158
Сплошное многообразие....168
Я с тобой!....191
В гостях....198
Дракоша и я....236
Тайна единорога....263
Похождения зубной феи....286

**Если бы...**

Если бы… Сколько этих «если бы», этих неслучайных случайностей, сколько всего произошло благодаря им! А вот, например, если бы мама Красной Шапочки вдруг подумала: «Нет, не буду печь пирог, не могу! У самой спина болит, любимый сериал ждёт, да ещё муж на обед борщ просит! Не потяну, прости, мама! Может, доставку заказать? Хотя нет, не то, подумаю, в общем…» И легла бы на диванчик с ароматным чаем смотреть свой любимый сериал, перевязав спину пуховым платком.

А Красная Шапочка? Дома, что ли сидеть будет? Конечно, нет! Посмотрела на маму и решила: сериал это, конечно, хорошо, но на улице гораздо интереснее! И тихонько прошмыгнула бы за дверь. А там целый мир! Соседские мальчишки – нет, не то, камни, грязь, грубые игры, увольте. Гордо подняв подбородок, она плавно пройдёт мимо них. Далее по улице, под раскидистым деревом собрались её подружки в цветных передничках и что-то оживлённо обсуждают, хихикая и перешёптываясь друг с дружкой. Всё это мило, но нет, не то. Хочется Красной Шапочке чего-то другого, особенного! Приключений, новых встреч, удивительных пейзажей, иных горизонтов!

Поэтому, быстренько прошмыгнув мимо подружек, идёт она себе дальше и песенку поёт. Тут-то и начинается самое интересное, потому что деревня заканчивается, и дорога уходит в лес. Ей бы развернуться и домой потопать, нечего девочкам одним в лесу делать! Но Красная Шапочка почему-то уверена, что ей в лесу ничто не угрожает, и смело идёт вперед. Безрассудство или бесстрашие? Пожалуй, всё вместе! И немного безумия, такого мягкого, детского, фантазийного. Идёт она себе по тропинке и, конечно, встречает Волка. Казалось бы, пирога нет, к бабушке идти не надо – возможно, она ещё и заразная! – ан нет, всё равно в лес понесло! Наверно, это судьба, и на каждую Красную Шапку положен свой Волк. Они притягиваются, как два полюса магнита, даже если нет повода к встрече.

– И куда это мы идём, такие красивые, да песенку поём? – игриво начинает Волк.

– Мы куда идём? Не знаю. А я иду на охоту! – заявляет Красная Шапочка, да так уверенно, что Волк подпрыгивает от неожиданности. Затем она смотрит на него так зловеще, со значением, возможно, даже немного кровожадно для эффекта.

– И на кого же ты охотишься, милая девочка? – Волк от испуга даже сменил тон на более вежливый.

– Да вот выбираю шкуру побогаче, а папка по кустам с винтовкой ходит, сигнала моего ждёт! Сейчас твою осмотрим, Волк! – храбро заявляет Красная Шапочка и начинает медленно ходить вокруг него, чем невероятно нервирует Волка.

Её уверенность действует на него гипнотически. Теперь он и забыл, как хотел съесть эту дерзкую девчонку вместе с её шапкой. Последний ум его ушёл в пятки, а так бы сообразил папку с винтовкой поискать! Да куда там! Уж пятки серые затряслись, сам запаниковал и думает, как бы уйти подобру-поздорову, чтобы не поймать пулю. И давай Красную Шапочку заговаривать, а сам отступать маленькими шажочками, к кустам, к кустам льнёт, и хвост уж поджал. Девочка явно что-то задумала либо насмотрелась чего-то не того, потому что захотелось ей вдруг и впрямь Волка поймать и проучить. Почувствовала она силу и уверенность ни с того ни с сего и пошла прямо на Волка.

Волк в ужасе, не знает, как и быть! Побежишь – застрелят, не побежишь – тоже застрелят! Караул! Уууууу! Страшно, аж жуть! И клянётся он себе в сердцах, что коли выживет, так никогда, слышите, никогда больше на девочек в лесу нападать не станет (ну и на мальчиков тоже, кто их знает?)! Никогда! Пожалуйста-пожалуйста, умоляет про себя Волк неведомые ему силы.

– Красная Шапочка, но ведь моя шкура нехороша! Зачем я вам? Давай расстанемся мирно, а? – Волк выдаёт что-то дипломатическое, стараясь сохранить остатки своего достоинства.

– Ну, не знаю, не знаю… Может, для коврика перед камином-то самое оно? Да, пап? – нарочито громко спрашивает девочка и кровожадно улыбается.

Волк бледнеет и уже не чует своих ног. Такое напряжение! Да лучше б застрелили уже сразу, и дело с концом, м*о*чи нет, это ожидание, страшнее всего! Уууу! – снова воет он мысленно.

– Может, мы всё же как-то договоримся? – вкрадчиво спрашивает он, понимая, что терять нечего, а попытка не пытка.

– Может…мне тут вот давно хотелось… – и Красная Шапочка мечтательно закатывает глаза.

– Чего, чего хотелось? Только скажи! – умоляет Волк.

– …Покататься на Волке верхом! Чтоб с ветерком! – нагло отвечает девочка и смотрит ему прямо в глаза.

– Всего-то? – выдыхает облегчённо Волк. – Прокачу в лучшем виде!

– Отлично! Только по дорожке, чтоб я не упала, и папка сзади бежал! А то сразу выстрелит! Он у меня такой – сначала стреляет, потом думает! – отважно заявляет Шапочка и садится на Волка.

– Ты дрожишь? – как будто бы участливо спрашивает она.

– Нет-нет, это я продрог немного! – отнекивается он.

– Ну ничего, сейчас согреешься! Поехали! – весело хохочет девочка и стегает его ивовым прутиком со всей силы.

Волк взвизгивает от неожиданности и несётся по лесной тропинке, точно скаковой жеребец. И вот бежит он полчаса, час, а силы уже на исходе. Девочка-то упитанная, мамины пирожки любит! Чует Волк, всё, не может больше, а там хоть стреляй, хоть что!

– Притомился, Волчок? Тогда веди меня к медведю! У него-то шкура побольше твоей будет! А тебе, так и быть, жизнь подарю, но ты пока рядом будь, пригодишься! – по-хозяйски говорит ему девочка.

Ну совсем обнаглела, в буквальном смысле села на шею! А ведь дома кроткая какая! Да, маменька, да, папенька! И в школе всем пример! Однако, видимо, вот сущность-то её и вылезла наружу! А если б к бабушке идти с пирогом? Так это ж за пирог переживать, покорной внучкой быть, убегать от всяких волков и прочих, бояться, как бы чего не вышло! Это ж совсем другая роль! И не всегда со счастливым концом, между прочим! Кроткие девочки, они дома хороши, а вот в лесу… ешь их на здоровье, как говорится!

Долго ли коротко, но привёл-таки Волк Шапочку к медведю. Сам Серый дрожит, ибо не знает, чего ещё от этой странной девочки ожидать. Да и перед медведем как-то неловко, вроде как неприятности ему принёс или, что ещё хуже, друга предал, а шкуру его продал ни за что ни про что кровожадной Красной Шапочке, примерной девочке. М-да, мрачновато получается. Что-то заигралась Шапочка, но куда там, разве остановишь её теперь!

Медведь сидит себе в малиннике, ест ягоды и о жизни думает. Всё не спеша, с толком, с расстановкой. Посмотрела Шапочка на него и тоже так захотела. Но сама просить не стала, а послала Волка сообщить хозяину леса свою волю.

– Миша, привет! Тут…это…в общем, охотятся на нас с тобой…хотят шкуры наши…и судьба твоя, как и моя, в руках вот этой…такой вот…ээээ…девочки! Папка ейный нас пристрелить хочет, шкуры выбирает

получше, и из кустов палить будет, коли дочка ему знак даст…а тут незнамо что: побежишь – выстрелит, не побежишь – ещё хуже…ты прости, брат, что привёл эту…девочку сюда, не по своей воле! Хочет она, чтобы ты ей малины собрал полное ведёрко и пел при этом популярные песни! Знаю, Миш, попсу не любишь, но что ж делать! Шкура-то хорошая, жалко вот так пропадать из-за этой…девочки! – жалобно закончил свою тираду Волк, пугливо оглядываясь на хозяйку своей судьбы.

– Волк! Ну я не пойму тебя! Шкура, конечно, оно да, малину соберу, но попса…Эх, ну только ради тебя, брат! «Ягода малина, нас к себе манилаааа, ах какою сладкой малина былааа!.. Ла-ла-ла-ла!» – затянул Медведь, попутно собирая ароматные ягоды в ведёрко.

– Ты как будто и не удивлён! – возмутился Волк. – Знаешь ты её, что ли?!

– Да нет, что ты! Просто я в цирке три года работал, а потом меня лесник выкупил и выпустил! Мне эти задачки человеческие и чудные, ну, как бы сказать, привычны! «Если женщина просит…» – затянул он с прикрытыми глазами, чем вызвал немедленный восторг Красной Шапочки и её бурные аплодисменты.

– Медведь, я думал, ты друг мне! А ты даже не рассказывал про цирк и всё такое! И так тебе легко всё это! А я больше часа эту…девочку по лесу катал, как ишак, аж темно перед глазами, и всё равно недовольная! Что ты скрываешь от меня, Миша, говори прямо! – рассердился Волк, почуяв себя дураком.

– Вов, ну что ты, дорогой! Не обижайся! Никаких секретов! Просто я люблю то, что я делаю! И уж если пою, то пою от души, а коли собирать, так собираю прям ух! Женщинам это нравится! – искренне ответил Медведь, продолжая напевать любимые шлягеры своей молодости.

– Женщинам?! Где женщины? – недоумевал Волк, нервно озираясь.

– Как где? Вот, маленькая женщина! Ты предмет-то изучи, а там и жить проще станет! А сейчас давай-ка девочку проводим домой, я тебе тогда самое интересное скажу! – засмеялся Медведь, подхватил Шапочку на плечи и, щекоча её да посмеиваясь, понёс домой.

Насилу уйдя от деревенских собак и злых тёток с коромыслами, Медведь и Волк отдышались и сели на опушке леса отдохнуть.

– Ну что? Какой секрет-то, Миш? Давай, говори! – потребовал Волк.

– Всё просто, Вов. Никакого папки в кустах не было! Шапочке захотелось поиграть во властную женщину, уверенную и хитрую! А самое лучшее в таких случаях, что? Правильно! Позволить ей это и не страдать самому! Ну а ты распереживался, замучался, зачем? Только кровожадность в ней пробудил, милый друг! Она ж твою неуверенность и страх за версту почуяла, хоть и маленькая, но женщина! Так-то, Вов, просто всё! – ответил Медведь, посмеиваясь себе в зубы.

– Ах я дурак! Надо было сразу папку проверить, сидит или нет! – запричитал Волк.

– Да не в папке дело! Не понял ты ничего! А если б был он? Пулю б поймал! Надо ж просто играть по правилам и понять, чего ей хочется! – покачал головой Медведь и пошёл восвояси.

Волк щёлкнул зубами и отправился в своё логово. «Ну всё, Шапка, устрою тебе! Держись! Только сунься мне в лес!» – обиженно тешил он свою уязвленную мужскую гордость.

– Пап, я такую схему охоты придумала! Закачаешься! Опробуем? – говорила тем временем Шапочка своему папе, который с восторгом тут же согласился.

Бабушка Шапочки в тот же момент подумала и решила, что её методы привлечения к себе внимания что-то не шибко работают. И бесконечные болезни, как будто бы серьёзные, не слишком привлекают к ней родных. «Вот гады! Нет в них жалости никакой к пожилой женщине! Ну и пусть! Я ещё ого-го!» – подумала бабушка, надела своё лучшее платье и накрасилась. «Вот напугаю их сейчас!» – ехидно проговорила она сама себе и по-девичьи хихикнула.

Она вышла из дому и улыбнулась солнцу. Птички пели, зелень шелестела на ветру. «Зачем я сидела столько в поликлинике в дурацких очередях и перемывала кости соседям с другими старухами, когда тут так прекрасно?!» – снова подумала бабушка и пошла в лес. Набрав букет цветов и налюбовавшись вдоволь бабочками, она продолжила свой путь по тропинке. Навстречу ей шёл грустный и злой Волк, бормотавший себе под нос что-то про женщин, какие они разъэдакие даже в невинном возрасте. Бабушкины глаза блеснули странным огоньком.

– Добрый день, молодой человек! Что вы такой грустный? Обидел кто? – вежливо поинтересовалась она.

– Добрый…день, бабушка! – ошеломлённо ответил Волк, уж и не зная, чего ожидать ещё от женской инициативы сегодня.

– Какая я вам бабушка, молодой человек! Дама! С опытом! – гордо ответила она и игриво посмотрела на него.

«Боже, опять! Этот взгляд! А вдруг кто-то, правда, в кустах сидит? Что за сила и смелость у этих…женщин сегодня?!» – испуганно подумал Волк, осторожно озираясь.

– Вот что, молодой человек, не знаю, кто там вас обидел, а я вам скажу, счастливая женщина – счастливы все! Так что, будьте добры, проводите-ка

меня через лес и поведайте о своих печалях! И мне спокойнее с вами, и вам легче! – уверенно проговорила бабушка и приобняла Волка за холку.

Волк вздохнул и начал:

– Она была маленькой и милой…в платьице, в красной шапочке…и вдруг обратилась в фурию…и всё ей мало, а что не по ней, папкой с винтовкой угрожает! Живого места на мне не оставила!

«О, узнаю свою внучку! В меня пошла, умница!» – подумала бабушка, а вслух сказала:

– Ох, негодница! Сочувствую вам! Продолжайте! – с притворным возмущением посмотрела она на невидимую озорную девочку, обидевшую Волка, и продолжила путь по нужной ей тропинке.

«Какая милая старушка! И посочувствует, и выслушает, не то, что эта, в шапке!» – подумал Волк и сам не заметил, как идёт в сторону той самой полянки, где им помыкала маленькая девочка в ярко-красной шапочке.

## Подарок

На рынке было суетно и тесно. Люди спорили в очередях, бились за лучшие яблоки и пытались всюду успеть. Тася смотрела на людей и не понимала, откуда в них столько сил! И то правда: маневрировать и ругаться с огромными, увесистыми сумками было не каждому по плечу. Девушка зябко поежилась, постепенно отогреваясь в многолюдном помещении крытого рынка. Ей хотелось купить чего-то, но совсем немного, ибо большего со стипендии и вечернего приработка она позволить себе не могла. Она хотела, но сил стоять в очереди попросту не было. Значит, опять гречка, ведь купленной недавно пачки должно хватить ещё на пару раз, а там…Бог поможет, как говаривала её бабушка.

Тася приехала в Москву учиться из Саратова, и вот уже три года удивлялась, как это всех так много, а еды не купить! На дворе стояли девяностые, в самом своём начале, со всей сумятицей, неразберихой и дефицитами. В регионах людей спасала земля и частные наделы, в городе…в городе каждый хватал что мог. Но робкая Тася, она просто не умела хватать. К тому же для этого требовались силы и наглость, а голодной студентке взять их было неоткуда. Поэтому, потоптавшись на рынке минут пять, она полюбовалась на алые бочка осенних яблок, сочную капусту и аппетитные соленья в бочках и отправилась мимо птичьей лавки в общежитие. У этой лавки она останавливалась чаще всего. В деревне они варили наваристый куриный суп с овощами и смаковали его несколько дней. Для Таси это был вкус детства, тепла и заботы. Вкус семейного праздника… На Новый год курицу запекали в печке и звали на угощенье всю родню. Люди ели, смеялись, шутили, а потом пели весёлые песни… Тася уставилась на прилавок и на синих куриц, лишь отдалённо напоминавших сельских откормленных птиц, и вздохнула. Всё равно было бы здорово, даже таких, но цена… И, понуро ссутулившись, она вышла на улицу.

На зимнем спящем небе кружились огромные кружевные снежинки. Жизнь всё же была хороша! Тася улыбнулась и расправила плечи. Подняв лицо навстречу небу, она поймала щеками снежинки, и те растаяли на ней крошечными озерцами, омыв её печали. Дышать стало радостней, и девушка бодро зашагала в общежитие.

На лестнице она столкнулась с Данькой с четвёртого курса. Они встречались всего несколько месяцев, но Тася уже чувствовала с ним какое-то внутреннее родство. Он пел ей песни, возил по всем красотам Москвы, словно они были его вотчиной, дарил милые пустяки и всегда обнимал её так нежно, что Тася сразу ощущала, что она не одна. Вот и сейчас, едва завидев девушку, Данька весь просиял. Удивительно, ведь и сам недоедал, грузчиком подрабатывал и всё же сиял для неё, для Таси. Сквозь тёмные, усталые круги под глазами пробивались яркие лучи его ясного взгляда. «Вот бы накормить его хорошенько!» – вдруг подумала Тася, которой хотелось сделать что-то для своего дорогого человека, и ласково улыбнулась ему в ответ.

– Тасенька, привет! Приходи ко мне, сообразим что-то покушать, песни на гитаре побренчим – все мои соседи ушли на работу! – радостно предложил он ей.

Тасина грусть немедленно отступила под действием такой простой и трогательной заботы. Она одобрительно кивнула в ответ и обняла Даньку крепче обычного.

– Сейчас, только к себе забегу! – звонко ответила девушка и побежала вверх по лестнице.

Торопясь к себе в комнату, Тася всё думала, чем бы угостить Даню. То ли припрятанной пачкой «Юбилейного», то ли гречкой. Но та настолько ей опостылела, что она не решилась. Всё-таки побыть вдвоём в общежитии –

это праздник! При чём тут гречка?! Пока она задумчиво шла по длинному коридору, до неё донёсся давно забытый аромат с их общей кухни. Такой вкусный, такой домашний, такой… Неужели запах варёной курицы?! Тася ускорила шаг. На кухне было пусто. Лишь кастрюля с большой фермерской курицей радостно побулькивала на плите. Тасей овладело искушение. Она представила, как накормит Даню, как поест сама, как это будет…волшебно, просто быть сытыми вместе! Хотя бы разок! Ей было трудно решиться, ведь никогда прежде она не брала чужого. Но было так голодно… И, быстро оглянувшись по сторонам, Тася вдруг вынула курицу из кастрюли на первую попавшуюся тарелку, прикрыла сверху кухонным полотенцем и спрятала под куртку. Эти шестьдесят семь шагов и сорок ступенек до Даниной комнаты девушка запомнила на всю жизнь. Они жгли ей стопы, тянули вниз, увещевали вернуться. Но Тася упрямо шла вперёд, шепча про себя: «Не для себя одной, прости, Господи!»

Наконец она оказалась перед заветной дверью. Что сказать Дане? Как объяснить, почему она украла курицу? Ох… Даня облегчил Тасины страдания, открыв ей дверь навстречу.

– Ласточка моя прилетела! – обрадовался он и аккуратно закрыл за ней дверь. – Что случилось? Отчего у тебя такой испуганный вид?

– Дань, я так хотела, я так старалась…мне хотелось тебя накормить и что-то для тебя сделать…что я…что я…украла чужую курицу с кухни! – пролепетала она и виновато посмотрела в его глаза.

Даня изумлённо смотрел на неё пару секунд, а потом взорвался оглушительным хохотом. Затем утёр слёзы и, внимательно посмотрев на неё, проговорил с какой-то особой нежностью:

– Дорогая моя девочка! Это ж я тебе курицу принёс, накормить хотел, как ты любишь! На складе дали! Ну ты ж прелесть! И ты её, горячую, недоваренную притащила, лишь бы меня покормить?

Тася ошарашенно уставилась на него и заплакала. Даня немедленно обнял её и принялся качать, как маленькую. Так и стояли они, обнявшись, с курицей под Тасиной курткой, убаюканные своей любовью и теплотой.

## Сельская новь

– Уверяю вас, погружение в совершенно иную атмосферу нетронутой природы, раритетного деревенского быта и вместе с тем современного комфорта, гарантировано каждому! Даже самому взыскательному клиенту! – элегантный менеджер в модном брючном костюме цвета индиго был необыкновенно убедителен.

– Раритетного? Это как? – спросила молоденькая девушка в крошечном платьице и часто заморгала глазами.

Молодой человек, державший её за руку, утвердительно закивал головой, соглашаясь с вопросом.

– «Раритетный» в данном случае означает исконно русский, деревенский, уникальный, понимаете? То, что было когда-то, но теперь безвозвратно утрачено, а у нас воссоздано с точностью до деталей! Самобытно, иными словами! – пояснил менеджер, крайне довольный собой.

Молодая парочка сомневалась. В их время уже никто не знал, что такое самобытность, деревенский раритет и уникальность. Зато каждый мог попасть в любую точку мира, стоило лишь захотеть. Сафари в Кении? Купи тур, и на другой день ты уже едешь в большом джипе по пыльной, раскалённой африканским солнцем дороге, мирно любуясь жирафами и носорогами. А также купание в водопадах, прогулка по местам древних ацтеков, романтический ужин на Бали и многое, многое другое, стоит лишь захотеть! Каталог причуд и экспромтов был практически неисчерпаем. Хотя простых привычных вещей в нём было не найти, как и недавно забытых, вроде семейных ужинов и походов в музей. И вдруг деревенский раритет случайно затесался в пёстрый, яркий каталог! Менеджеру пришлось попотеть в попытке удержать внимание клиентов. Надо ж было им заинтересоваться именно русской деревней образца начала двадцать первого века! Вот ведь

чудаки! На предложение о Мальдивах или юге Австралии они устало отмахнулись, Египет вызвал у них скучные зевки, да и от приключений в Амазонке они, смеясь, сразу же отказались. Когда, когда успели эти молодые, едва ступившие за порог взрослой жизни люди так ею пресытиться, откуда у них такой богатый опыт? Да такой, что интересна им лишь деревня, коих сейчас и на свете-то почти не осталось!

– Скажите, а что это за персонаж такой? – поинтересовалась молодая особа, тыкнув ухоженным пальчиком в экран с фотобуклетами деревни.

– Это жительница исконно русской деревни, попросту бабушка, – невозмутимо ответил менеджер.

Молодой человек, вглядываясь в черты пожилого усталого лица на фотографиях, привычно пожал плечами:

– Едва ли она настоящая! Не думаю, что такие существовали когда-либо! Или, может, она решила войти в образ страшной колдуньи, типа Бабы-яги? – иронично заметил он.

– В наших проспектах всё настоящее! Никакого рендеринга и подлинность впечатлений – вот девиз нашей фирмы! – важно возразил менеджер, оправив свой пиджак, чтобы подчеркнуть собственную солидность.

С фотографии на всех троих удивлённо взирала старушка лет девяноста. Её маленькие, светящиеся жизненной мудростью и спокойствием глаза излучали какую-то нездешнюю, простую доброту. Морщинистое, коричневое лицо замерло в лёгкой улыбке. Повседневный образ труженицы села завершал белый платочек, скрывающий седые локоны, и неброское ситцевое платье с передником на завязках. Если бы кто-то рассмотрел повнимательнее саму фотографию, то он бы непременно заметил, что бабушка была занята делом и её оторвали от него в самый неподходящий момент, но по доброте душевной она не стала отказывать фотографу и даже

попыталась улыбнуться, хотя натруженные руки продолжали заплетать чесночные косы привычным жестом.

– Да неужели кто-то ещё выглядит ТАК и делает что-то своими руками?! – нетерпеливо воскликнула молодая особа, пытливо рассматривая менеджера сквозь спущенные очки.

– Специально для вас, дорогие клиенты! Ещё один наш девиз – многообразие жизни и её аутентичность! – торжествующе заявил менеджер.

– Я смотрю, ваши маркетологи потрудились на славу! – ухмыльнувшись, отметил молодой человек.

– Вась, ну давай слетаем, поглядим на старушку, избы, коз и настоящее сено, а? Мне мама в детстве рассказывала, что когда-то это было правдой! Хочу посмотреть на их декорации, эту…как её…сельскую… – молодая особа запнулась, силясь вспомнить название программы погружения в деревенскую жизнь.

– «Сельская новь», так называется наша деревенская программа, – деликатно подсказал менеджер.

– Ладно-ладно, зайка моя, раз тебе так хочется, повезём тебя к бабушкам! – снисходительно согласился Вася.

– Оформляйте «Сельскую новь», что ж поделаешь! – небрежно махнул он менеджеру рукой знак согласия.

*

Назавтра, собрав свои красивые, дорогие дорожные сумки в одной цветовой гамме, молодая пара приехала на указанное в контракте место. Вокруг было тихо и пустынно. Супруги переглянулись. Затем муж нервно посмотрел на часы. Ничего, ровным счётом ничего не происходило.

– Вась, может, турболёт задержался где-то? Или даже упал? – дрожащим голосом запричитала его супруга.

– Галочка, что ты такое говоришь?! Разве есть что-то надёжнее турболёта? Просто у них неналаженный менеджмент, мы им отзыв потом накатаем, уж поверь мне! – уверенно ответил Вася, дико озираясь при этом по сторонам.

– Ох, ну как это так? Мы же им за это заплатили! – заныла Галочка, переминаясь с ноги на ногу – ей ужасно надоело стоять, а сесть было совсем некуда.

Ещё минут через двадцать, когда терпение их уже совсем кончилось, силы иссякли, а мультифоны исправно связались со всеми ответственными лицами, красный от злости Вася готов был уже перейти к каким-нибудь агрессивным действиям. Тем более что Галочка устало плюхнулась прямо на его дорогой чемодан из какой-то реликтовой кожи и совсем не реагировала ни на какие просьбы и замечания. В этот самый момент, в эту самую точку кипения, недалекую от взрыва, неподалеку послышался шум старого мотора. Очевидно, что по дороге ехал какой-то ретроэкспонат, ведь всем давно известны гораздо более эффективные способы передвижения! Вася сморщился от громкого нарастающего гудения, Галочка прикрыла уши ладошками и испуганно уставилась на дорогу. Внезапно из-за поворота показался побитый и обшарпанный уазик. Резко затормозив прямо рядом с молодой парой, уазик обдал их облаком пыли. Не дожидаясь, когда она осядет, водитель распахнул скрипучую дверь и подошёл к туристам, замершим в изумлении:

– Здрассьте! Вы на Сельскую новь? Ну лады! Запрыгивайте внутрь! Сумки ваши, что ль? Ну, ёлки, такого модного багажа я ещё не видал! Наверно, вы к нам надолго, понабрали-то с собой, ух! – рявкнул водитель уазика и принялся небрежно забрасывать дорогие сумки в багажник.

– О-о-о-о, – простонала Галочка, протягивая руки к летящим в недра грязного, старого уазика сумкам.

– Эй, гражданин! – строго произнёс Вася. – Не кидайте так, осторожнее! И кто вы вообще такой, хотелось бы знать!

– А, командир, воля твоя, полегче так полегче! Меня зовут Кондратий Михалыч, для своих просто Михалыч! Ты Василий, да? И Галина? Галочка, не переживай, всё доставим в лучшем виде! – добродушно ответил Михалыч, подняв руки в примирительном жесте.

Василий поперхнулся от гнева и хотел было выдать эффектную тираду о панибратстве, качестве обслуживания и прочих важных вещах, но в этот момент снова заохала Галочка. Михалыч пытался усадить её в машину, а она упиралась, словно молодая козочка, и отчаянно мотала головой.

– Я не сяду в ЭТО! Я ещё молода! Вася сказал, будут надёжные турболёты! Нет! Ни за что! – кричала она.

– Кондратий Михалыч, прекратите! Вы что, всерьёз решили повезти нас на этой ржавой…эээ…заготовке? – вмешался Вася, отстранив удивлённого водителя от Галочки.

– Вась, ты чего! Это ж программа «Сельская новь»! Прогулка на аутентичном джипе, в народе уазике, входит в неё! Это ж, ёлки, самобытность, как вы хотели! – развёл руками Михалыч.

Грозно хмурясь, Вася залез в папку с брошюрами и внимательно прочитал программу. Покраснев ещё больше, он вынужден был признать, что никаких турболётов в ней и в помине не было, а вот аутентичный уазик был! Как это он этого не заметил?! Попросту ведь и в голову не пришло другого, вот как! Все давно летают на турболётах, что ещё за уазик?!

Переглянувшись с Галочкой, Вася вздохнул и подошёл к ней, чтобы помочь ей сесть и пристегнуть её ремнём покрепче. Страшно стало и ему, бывалому пехотинцу, тренированному на высокотехнологичных военных базах. Теперь же, в середине двадцать первого века всё было предусмотрено, во всех сферах жизни царили контроль и благополучие, а всякие потенциально опасные ситуации моделировались на симуляторах. Реальные, живые трудности остались на страницах романов и в старом кино. А тут дребезжащий, разбитый уазик… Что ж, раз фирма отвечает и это прописано в контракте, можно и попробовать. В конце концов, у них с Галочкой оформлены все виды страховки, на всякий случай, так что… Вася сел рядом с женой и сам тщательно пристегнулся. Была не была!

– Готовы, ребятки? И пристегнулись даже? Какие вы правильные! Ну, не боитесь, потрясёт немножко, дорога-то сплошь натуральная, асфальта уж сто лет не видала! А вам немного разнообразия и экстрима, ёлки! – весело крякнул Михалыч и завёл мотор.

Тот оглушительно взревел, и машина рванула вперёд. Галочка взвизгнула и судорожно стиснула Васину ладонь. Тот слегка побледнел, но виду не подал.

– Галя, не дрейфь, машина – зверь! Всё под контролем! – усмехнулся Михалыч, смело крутя руль и объезжая колдобины и ямы, коих было предостаточно. Всё же, как он ни старался, а ямы так и попадали под колёса, и уазик трясло, как космолёт при аварийной посадке.

Галочка сделалась зелёной и смотрела испуганно и умоляюще. Вася нервничал, но не хотел никак этого показывать. Через полчаса такой трясучей езды пассажиры взмолились об остановке. Галочку тошнило где-то на обочине, Вася дышал свежим воздухом, уперевшись руками о капот.

– Да, ребятки, эк вас проняло! Ну ничего, сейчас приедем, баба Маня вас в баньке попарит, потом отпоит-откормит, и будете как огурчики! – сочувственно произнёс Михалыч.

Вася страдальчески посмотрел на их водителя и еле заметно кивнул. Галочка, пошатываясь, вернулась к машине. Михалыч протянул ей холодную бутылку с какой-то мутно-коричневой жидкостью. Девушка судорожно схватила предложенное питьё и хлебнула его, не глядя. Потом вдруг резко поперхнулась и закашлялась.

– Что это?! – прохрипела она скрипучим голосом.

– Это квас, милая! Русский национальный прохладительный напиток, ёлки! Полезный и натуральный, всё, как вы любите! – невозмутимо ответил ей Михалыч.

Вася забрал бутылку у жены и тоже отхлебнул немного. Скривившись, как от самого кислого лимона, он с ужасом посмотрел на водителя. Тот развёл руками:

– Ну, ребят, вы как неродные! Это ж естественное брожение с кислинкой, ёлки! От укачивания в машине помогает, проверено веками! Давайте по коням, осталось ехать-то всего ничего!

Галочка с Васей вздохнули и, понуро повесив головы, залезли в машину. Остаток пути они провели в каком-то полузабытьи. За окном мелькали интересные пейзажи, но им было не до того. Каждый из них сидел и клялся себе более не участвовать ни в каких экстремальных турах. Теперь обыкновенный полёт на Мальдивы казался им самым правильным отдыхом. Впрочем, главное – выбраться скорее из этой зверской машины.

– Ребят, чего умолкли? Смотрите, сейчас будем переезжать нашу речку Гнилушу! – с особой гордостью произнёс Михалыч. – Знаете, сколько в ней рыбы водится! Одна из последних рыбных рек на Земле между прочим, ёлки!

Вася и Галочка вяло посмотрели в указанном направлении, лишь отметив про себя, что мутной речке за окном очень подходит её название.

– А вот и село наше! Видите табличку, в воздухе парит? То-то же! Новое Пиховкино называется! Богатое село, ёлки! С традициями! А люди какие, да таких нигде нет! – торжественно заявил Михалыч, въезжая в село.

Вася с Галочкой переглянулись и вздохнули. Дорога ровней не стала, и они уповали только на то, что их мучительная поездка вот-вот закончится. Они ехали по широкой улице и равнодушно наблюдали деревенский пейзаж: лужайки с козами, куры, снующие вокруг палисадников с цветами, маленькие домики из красного кирпича и белые штукатуренные хатки и старики, сидящие на завалинках. Сейчас им, усталым путникам, хотелось только одного – твёрдой земли под ногами и мягкой постели. Однако не всем мечтам суждено было сбыться. Неожиданно уазик затормозил, и к ним приблизилась невысокая фигура в белом платке и цветастом платье с серым передником. На морщинистом лице играла тёплая улыбка, руки раскинулись в приветственном жесте.

– А это наша баба Маня! Самая добрая бабушка на селе! Будете у неё жить и впитывать в себя сельскую жизнь! Всё, приехали! – громко воскликнул Михалыч и заглушил мотор.

Вася с Галей ойкнули и уставились на бабу Маню с широко раскрытыми глазами.

– Как настоящая! – громко прошептала Галочка.

– Так она и есть настоящая, милая моя! Вылезай да познакомься! – засмеялся их водитель и вышел первым навстречу к хозяйке.

Обнявшись с бабой Маней, он сунул ей какой-то свёрток, и она снова обняла его тепло и крепко. Вася поглядел на Галочку и тоже вылез из машины, хорошенько держась за кузов, чтобы не упасть. Баба Маня и к нему

подошла и обняла его вдруг также сердечно, как и Михалыча, словно для неё это было само собой разумеющимся. Вася оторопел сначала, но затем тоже обнял её в ответ и наконец почувствовал какое-то умиротворение, впервые за долгое время. Затем он вернулся к уазику и осторожно помог Галочке вылезти наружу. Она слабо улыбнулась и неуверенно встала на ноги, будто позабыла, каково это, ходить по земле. Баба Маня сама подошла к ней и, ласково погладив по голове, обняла её так же, как других, и даже как-то нежнее. Галочка растаяла в тёплых бабушкиных объятиях, и прошедшая поездка показалась ей не более чем страшным сном.

– Ну что же, дорогие Василий и Галина, добро пожаловать к нам на село! Пойдёмте-ка в баньку с дороги, дух вам перевести надобно! – мягко произнесла баба Маня и повела их к небольшому, но статному домику за палисадником с мальвами и золотыми шарами.

Галочка выдохнула с облегчением: неужели они добрались в целости и невредимости? Неужели люди на селе никакие не дикари из прошлых веков? Какое счастье! Однако не успела она так подумать, как вдруг узрела необычайное. Ойкнув от неожиданности, Галочка замерла и уставилась на местного жителя, ведущего себя крайне непонятно. В густой траве у обочины дороги стоял на четвереньках мужчина неопределённого возраста. В мутном взгляде его застыла неопределённость и что-то нездешнее. Рабочие штаны и рубаха были измазаны в грязи. Но любопытнее всего выглядел тёмный целлофановый пакет, зажатый в его зубах. Подумав минутку, мужчина вдруг ожил и уверенно пополз куда-то по траве, в направлении, известному ему одному.

– Баба Маня…что это…кто это? – испуганно пролепетала Галочка.

– Милая моя, не беспокойси! Это Шурка наш, перебрал маленько вот и чудит! А так добрый работящий мужик! Ну с кем не бывает, пусть ползёт

себе с миром! – спокойно ответила ей баба Маня и повела поскорее в дом, полуобняв испуганную гостью за плечи.

Вася хмыкнул и усмехнулся, горделиво поправив свою модную стрижку, растрепавшуюся от экстремальной езды. Михалыч, наблюдая за всей этой сценой из уазика, смеялся в голос: «Ну ничего, мы вас городских, скучающих, быстренько в тонус-то приведём, ёлки!»

Тем временем гости уже оказались внутри двора бабы Мани. Он был чисто выметен, а по краям, на зеленой траве-мураве мирно гуляли куры и гуси. Далее располагались разные хозяйственные постройки – какие из брёвен, иные из бруса попроще. За ними простиралась обширная территория, утопающая в зелени: сад, огород и пастбище словно по тайному уговору объединились в одном месте и дружно дополняли друг друга. Запахи, краски и звуки привычной сельской жизни защекотали все органы чувств вновь прибывших гостей. Ярко-жёлтые подсолнухи мирно соседствовали с изысканными гортензиями и сладко-пахнущими петуниями. Тут же паслись белоснежные козочки и корова карамельного цвета. Островки сочной травы гармонично перемежались с кустами помидоров, зеленоватыми кочанами капусты и грядками с зеленью, перцами и кабачками. Сельскую идиллию довершало небольшое картофельное поле.

Галочка с Васей так и застыли на месте, раскрыв рты от удивления. Они принадлежали к поколению детей, которые никогда не видели, как растут овощи и фрукты, как живут домашние животные на скотном дворе и не знали, откуда берётся молоко. Города давно отделились от деревень, и те постепенно прекратили своё существование. Теперь все потребности горожан покрывали пищевые фабрики: овощи и фрукты росли в лабораториях, впрочем как и мясо с молоком, минуя животных, они вырастали в специальных контейнерах. Здесь же, в Новом Пиховкино, обитали удивительные люди, исчезнувшие с лица земли уазики и животные с растениями в их естественной среде обитания. Гости всё стояли и смотрели:

им казалось, что всё происходящее – это просто сказочный сон, имитация жизни. Но в лица им дул тёплый ветерок, доносящий ароматы цветов и спелых помидоров, в ушах звучало басовитое мычание коровы и блеяние козочек, а модная обувь проваливалась в мягкую распаханную землю. Всё было самым что ни на есть настоящим!

– Ребятки, пойдёмте в баньку? Выйдете оттуда как новенькие! – ласково позвала их баба Маня.

Всё ещё ошеломлённые гости послушно последовали за хозяйкой. Баня оказалась бревенчатой избой. Внутри она вкусно пахла сушеными травами и банными вениками. На просторных скамьях были расстелены лоскутные подстилки, а чистый деревянный пол покрывали уютные ковровые дорожки. Галочка с Васей и здесь застыли как вкопанные. Прежде они никогда не видели ничего подобного. Теперь горожане парились в паровых кабинах, и найти их можно было почти в каждой ванной комнате более-менее обеспеченного жителя города. Однако таких запахов и такого чувства отдыха от одного присутствия в сельской бане они никогда прежде не ощущали, отчего снова растерялись.

– Дорогие мои, это наша банька! Вот предбанник, тут оставляют одежду и по желанию заворачиваются в простыни. А вот это сама парная – здесь парятся вениками и просто греются. Здесь купель с прохладной водой: в неё мы прыгаем после банных заходов, чтобы очиститься и сбросить жар с тела. И, наконец, комната отдыха: чайку попить, полежать да понежиться, массаж поделать – вот для чего мы тут собираемся! Видите, как просто? Давайте раздевайтесь и проходите скорее, пар-то уходит! – терпеливо рассказала и объяснила всё баба Маня гостям.

Те робко переминались с ноги на ногу и избегали смотреть друг в другу в глаза.

– Вы, что же, стесняетесь друг друга? Муж жены, жена мужа? Родные кровинки? – всплеснула руками от удивления бабушка.

Галочка с ужасом посмотрела на бабу Маню. В их мире муж с женой оказывались в постели уже раздетыми, почти в полной темноте, ибо считалось, что созерцание столь различных тел друг друга способно причинять людям психические травмы. Вася сосредоточенно рассматривал ботинки.

– Ясно, непривыкшие вы! А жаль! Я как сейчас помню Толика своего: бывало разденемся с ним в бане, в глаза друг другу взглянем, и весь мир перестаёт существовать! Такими близкими мы были в бане, такими родными, без притворства и приличий, какими Боженька нас создал, такими и представали друг перед другом! Что же, оставлю вас! Коли что, кричите в окно, прибегу – попарить веничками или спинку потереть, не стесняйтесь, это я хорошо умею! – певуче проговорила баба Маня, сложив руки на груди, и вышла из бани.

Оставшись наедине, Галочка с Васей долго смотрели друг на друга.

– Вась, мы что, сами париться будем? – наконец проговорила Галочка едва слышно.

– Галочка, ну не звать же нам бабу Маню, чтобы она смотрела на нас? Сами справимся! Это просто что-то новое – вспомни, сколько всего мы перепробовали! И экскурсию по джунглям, и купание в водопаде, и плавание на индейском каноэ, и пони ловили, чтобы покататься, и много-много всего! А это просто баня! Мыться-то мы умеем ведь? – воскликнул Вася и принялся скидывать с себя одежду.

Галочка смотрела на мужа огромными глазами. Она была в панике. Ведь придётся и ей раздеться! А вдруг Вася обнаружит в ней какие-то изъяны, и это станет их последней поездкой? Краснея, она теребила низ кофточки и всеми силами избегала смотреть мужу в глаза. Вася тем временем

почти всё с себя снял и вдруг заметил Галино смущение. Теперь он понял, что значит, что в бане люди предстают друг перед другом чистыми и настоящими, без масок и навязанных обществом приличий. Он что-то читал об этом, что-то слышал от бабушки, а теперь увидел воочию. Сейчас перед Васей стояла его жена – такая застенчивая, нежная и робкая, что ему немедленно захотелось защитить и утешить её.

– Галочка, тебе помочь раздеться? Ты моя жена, и ты самая красивая для меня! Давай попаримся вместе, а? – просто предложил он, подойдя к ней поближе.

– Вась, понимаешь, в прошлом месяце я не ходила на киберфитнес…и мой вид…и всё, всё это… – она запнулась, смущаясь ещё больше.

– Галочка, разве ты не слышала, что я сказал? Ты самая красивая для меня, быть идеальной не нужно!

– Правда? – она удивлённо захлопала глазами, ведь с детства ей внушали обратное: всё должно быть идеально!

– Самая правдивая правда! Перед кем мне тут выставляться образцом морали? – воскликнул Вася и принялся помогать своей жене избавляться от привычных рамок.

Вскоре они грелись в бане румяные и довольные. Вася махал вениками и проливал деревянные стены водой, проветривал парную и делал то, что, казалось бы, совсем было ему незнакомо. Однако руки сами тянулись за ковшиками с водой и прогревали веники над печкой. Галочка смотрела на мужа с восхищением, открывая его совсем с новых сторон.

– Вася, ты банный бог! – страстно воскликнула она.

Тот усмехнулся и нежно обнял её.

Наконец они вдоволь напарились и даже искупались в купели. Завёрнутые в чистые простыни супруги пили душистый чай и мирно обсуждали свои планы на жизнь. Прежде ничего такого они никогда не делали и теперь с удивлением смотрели друг на друга по-новому. Они словно стали ближе друг к другу на несколько лет. Баня сотворила свою незаметную магию – лишнее и наносное отпало, и все вдруг стали просто собой. Вася любовался своей исполненной неги и чувственности женой, Галочка увидела Васину силу. Это было так естественно, что нисколько не удивляло их – словно так и должно было быть.

– Вась, а я проголодалась! Сейчас бы и обед, и ужин съела разом! И плевать на киберфитнес! – смело произнесла Галочка и улыбнулась.

– Приятно смотреть на женщину со здоровым аппетитом! И фитнес твой к чему он тут?

Вскоре они неторопливо вышли из бани, улыбаясь, вальяжно переступая через ласковые травы и глядя друг другу в глаза.

– Вот совсем другое дело, милые мои! Вот ведь молодцы! Проходите, голубочки, в избе уж и стол накрыт! – встретила их баба Маня у порога с тёплой улыбкой на лице.

– Спасибо, баба Маня! – просто ответила довольная и румяная Галочка. Та лишь развела руки в широком жесте в ответ.

В деревянной избе пахло свежим хлебом, льняными полотенцами и заботой. На крепко сбитом столе была бережно расстелена белоснежная скатерть. Из дымящейся глиняной супницы разносились аппетитные ароматы. Нарядные тарелки ломились от простых вкусных угощений: домашнего хлеба, овощного рагу, огородных овощей, мягкого сыра, вареников и прочей снеди.

– Как вкусно пахнет! Никогда в жизни ещё я не была ТАКОЙ голодной! – воскликнула Галочка и набросилась на еду, не дожидаясь приглашения.

Вася с удивлением и радостью наблюдал за метаморфозами своей супруги. Ещё накануне они были на очередном корпоративном приёме и чинно поглощали коктейльные вишенки специальными палочками в течение двух часов, восхваляя их исключительные вкусовые нюансы. Галочка томно распробовала одну вишенку целый вечер и поддерживала самые возвышенные беседы. Вася стоял рядом и старался соответствовать формату мероприятия изо всех своих сил. Он считал это вахтой на службе и оттого смог продержаться весьма достойно. Однако после потраченного на установление новых связей вечера ему отчаянно хотелось надеть боксерские перчатки и отдубасить хорошенько симулятор злости. Галочка же немедленно сбежала в дамский салон и напялила там на себя виртуальную маску. Пока трое мастериц-андроидов трудились над красотой её рук, ног и лица, она пребывала в очередном волшебном мире, превращаясь то в принцессу, то в фею, то в русалку. После салона Галочка была неизменно улыбчива и приветлива. Но поговорить с ней никак не удавалось. Она словно продолжала жить в том самом волшебном мире и ждала принца на белом турболёте, а вовсе не его, Васю, бывшего пехотинца и военного высокого ранга. В городе Галочка была прекрасна и холодна, и Васе часто казалось, что он не её муж, а попросту владелец очень дорогой изысканной статуэтки. Однако обнять её или поговорить по душам или даже чихнуть не вовремя было невозможно.

У их молодой семьи было всё – положение, деньги, возможности, но одновременно не было ничего, ничего тёплого и связующего. Эдакая современная семья Шредингера – она есть и по всем внешним признакам вполне успешна, однако на деле в дорогих апартаментах соседствовали чужие, скучающие друг с другом люди. Стоило им начать испытывать

дискомфорт друг с другом, как на помощь семье приходили психологи, консультанты, тренеры семейных отношений и куча других специалистов. И молодые супруги примеряли новые маски – довольных друг другом людей, людей с личными границами длиной с Китайскую стену, людей, не нуждающихся ни в ком на свете. Семьи становились ещё более эфемерными, просто люди внутри них переставали испытывать негативные, а следом и прочие чувства. С точки зрения социальной устойчивости это было успехом. Так и проходила жизнь обеспеченных горожан, в стеклянных капсулах внешнего благополучия.

Наверное, именно поэтому агентства путешествий стали так популярны. Яркие впечатления, новые места, незнакомые люди – всё это спасало от одиночества внутри пар хотя бы на время. В путешествии всем казалось, что они живут по-настоящему и дышат полной грудью. Вася с Галочкой не были исключением: каждые выходные обязательно были заняты у них чем-то экзотическим и необыкновенным. Обычно всё проходило идеально – никаких накладок или отклонений от программы. И вдруг село Новое Пиховкино… Здесь каждый шаг был сюрпризом, и в то же время всё было настолько живо и реально, что вся прежняя жизнь показалась супругам надуманным балаганом. Что же такого особенного в этом селе? В чём его секрет? Вопросы повисли в воздухе, когда баба Маня принесла душистый ягодный пирог к чаю. Сытые гости немедленно накинулись на него, словно прежде никогда не едали пирогов.

– Боже, он пахнет клубникой! – восторгалась Галочка.

– Конечно, милая! В нём ведь есть клубника! – засмеялась хозяйка в ответ.

– Нет, это какая-то волшебная клубника! Мы такой никогда не пробовали! А тесто! Что это за чудеса? – поддержал восторги жены и Вася.

– Да тут всё волшебное, ребятки! Земля ведь кормит! Уж не осталось у неё почти сил, а всё отдаёт нам, детям своим! Только в сёлах сейчас и осталась живая жизнь! Где ж ей удержаться-то ещё, среди ваших энтих турболётов, парящих домов и мультифонов? Так что набирайтесь тут жизни! Всё своими руками, с любовью! – задумчиво проговорила баба Маня и покачала головой.

– Своими руками, с любовью… – как заворожённая повторила Галочка и впилась зубами в сочный пирог, позабыв все протоколы.

Вскоре гости так насытились, что с трудом поднялись из-за стола. Поблагодарив добрую хозяйку, они вышли в сад. Что-то влекло их во всём, что составляло быт сельчан – огород, животные, сено. С жадностью и любопытством детей ощупывали они каждый куст, вдыхая совершенно новые для них ароматы огородных растений. Галочка робко гладила длинношерстных козочек с забавными бархатными ушами, и те отвечали ей нежностью, облизывая руки. Вася чесал за ухом у дворового пса Полкана и украдкой наблюдал за женой. Он словно увидел её наконец: весёлую, ласковую, любознательную. В ней не было ни привычного городского гламура, ни натянутой протокольной улыбки, ни куртуазной сдержанности. Она открывалась, словно загадочный цветок, и оттого становилась ещё притягательнее. Васе захотелось немедленно обнять её и ласково погладить по голове, как свою родную жену – какое счастье, что дорогая, фарфоровая статуэтка куда-то делась! Так и стояли они, полуобнявшись, и гладили свободными руками домашних животных.

А затем вдруг произошло неожиданное: Галочка запрыгала на месте и задорно засмеялась.

– Вася, смотри, птицы летят! Живые! Смотри! Побежали за ними! – закричала она, завидев стаю серых цапель.

И они бежали через сад, пастбище и картофельное поле. Не останавливаясь, они всё неслись вперёд и оказались на лугу. Он был цветочным, гудящим от стрёкота кузнечиков и жужжания работающих пчёл, зелёным, манящим. В нём также кипела жизнь, как и во всём, что встречалось им в селе. Поражённые смотрели Вася с Галочкой то на небо, то на луг, то вдаль, то друг на друга.

– А ведь нам говорили, что жизнь на Земле осталась только в специальных заповедниках и поддерживается искусственно! – возмутился Вася.

– Да! И то, что в естественной среде обитания больше никто не живёт! Только в зоопарках, а прочее лишь имитации! Вась, но ведь всё это не имитация, да? Я же…я чувствую, оно живое! Всё это! Как же так? – разволновалась Галочка, всплёскивая руками.

– Милая, ты не переживай, разберёмся! Давай наблюдать! А то смотрю я, все эти мои звонки администрации и прочим лицам ничего не дают! Ничего, сами узнаем правду! – решительно произнёс Вася.

Пожав плечами от недоумения, супруги перешли на прогулочный шаг и отправились к реке. Она плавно несла свои воды, огибая поросшие камышом берега. Водную гладь рассекали водомерки, и частые любопытные рыбёшки рисовали круги своими ртами. Из речных зарослей вспархивали небольшие птицы. В заболоченной части ходили серые цапли, важно поднимая свои изящные ноги. Галочка с Васей замерли, будто бы жадно поглощая всё увиденное и услышанное.

– Я бы хотела тут жить! – вдруг выпалила Галочка, удивившись сама себе.

– Правда? А что бы ты тут делала? – заинтересованно произнёс Вася.

– Я бы…я бы…рисовала, пела, растила цветы и козочек, воспитывала бы детей…я бы просто жила, и всё! – мечтательно ответила она и уставилась на реку, смахивая набежавшую слезу.

Вася обнял свою жену за плечи и легонько погладил её по нежной руке.

– Ну что ты! Всё может быть, я ж не отказываюсь! Просто спросил! – ласково произнёс он.

– Да, но…разрешу ли я сама себе быть там, где мне хорошо? Даже если это противоречит привычному, рациональному? Если это противоречит всему? – всхлипнула Галочка.

Вася озадаченно посмотрел на свою жену, словно знакомясь с ней заново. Прежде он никогда не видел её слёз: она была надменна и невозмутима. К тому же Галочка никогда не отвечала ни на чьи прямые вопросы, если они не входили в её зону комфорта, потому Вася не знал её истинных желаний и слабостей. Так было принято в их обществе. Сфера искренних чувств лишь слегка приоткрывалась для психологов и консультантов, но не более. Теперь она стояла перед ним на берегу прекрасной реки, и ветер сдувал её слёзы, бережно прикрывая их разметавшимися волосами. В глазах Галочки мерцали таинственные огни, и в них словно открывалась она настоящая, краешек за краешком, как фрагменты головоломки. Васе хотелось смотреть на неё, не отрываясь, и обнимать, нежно вытирая бегущие слёзы. Протоколы их городской жизни распались и канули в небытие – здесь, на природе, в селе дистанция и самообман выглядели нелепыми чужаками.

– Галюнь, если это не противоречит ТЕБЕ и ТВОИМ желаниям, то зачем всё прочее? Что ещё имеет значение? – наконец не произнёс, прошептал Вася и привлёк её к себе.

Так и стояли они, крепко обнявшись и бормоча всякие нежные глупости, пока речной туман и набежавшие вдруг сумерки не прогнали их домой.

В избе бабы Мани их ждала мягкая свежая постель и натопленная печка. Хозяйка радушно улыбнулась им и повела показывать, где что расположено. Гости сонно кивали в ответ на все её предложения.

– Что ж, вижу, притомились вы, дорогие мои! Почивайте спокойно! – с этими словами баба Маня плавно вышла из их комнаты.

Галочка хотела было привычно возмутиться и потребовать комфортных условий: переодевальни, гардероба и ванной — но вспомнила, где они, и, небрежно махнув рукой, скинула с себя одежду и плюхнулась в постель. Вася удивлённо последовал её примеру. Да, это было, пожалуй, экзотичнее Мальдив, джунглей и подводной экскурсии в океане – вот так вот взять и раздеться друг перед другом, впервые за несколько лет их брака, не считая совместной бани, конечно. Такое простое действо, столь же естественное, как утренние поцелуи и супружеские объятия…но сколько в нём доверия, открытости, искренности! Почему в их обществе так не принято? Отчего все прячутся и держат дистанцию даже с близкими, делая вид, что так и должно? Зачем весь этот цирк с переодевальнями, ритуалом зачатия в специальных медцентрах и домах свидания для супругов, где можно поговорить со своей парой на личные темы в строго отведённое время? Вася столько поездил по миру со своей женой, но не знал её. А сейчас, за один день он увидел её настоящую и полюбил так нежно, как никогда прежде. В таком случае, в чём тогда смысл их жизни в техногороде, в этом комфортном раю для современных профессионалов? И почему в техногороде нет добрых бабушек с морщинистыми лицами и мягкими руками? С этими мыслями Вася погрузился в сон, одной рукой обняв свою Галочку и наплевав на всякие протоколы супружеского взаимодействия.

Наутро в окно спальни мягко вошло солнце. Оно играло своими золотистыми пальцами на бревенчатых стенах и белёной печке, тихонько подкрадывалось к спящим лицам и щекотало их, прыгая зайчиками по подушкам и стальным ножкам супружеской кровати. Галочка сладко улыбнулась в утренней нежной дрёме на грани сна и яви, как вдруг за окном раздался резкий крик петуха. Выдав свою утреннюю трель, он сочно зазвучал нотой ми. Посмаковав её вдоволь, сельский певец немедленно успокоился. Но ему вторили его коллеги в соседних дворах, по очереди отзываясь на его призыв возрадоваться восходящему солнцу. Вася с Галей испуганно распахнули глаза и непонимающе переглянулись.

– Что это? Встроенный будильник, что ли? – спросонья пробормотал Вася.

Галочка хихикнула, вспоминая, как они с Васей проспали экскурсию в Иордании, потому что долго спать с утра считалось непозволительной роскошью в их обществе, и лишь в отпуске выпадал такой шанс. Но сейчас странные звуки за окном отчего-то не вызывали раздражения, напротив, хотелось немедленно вскочить и что-то делать.

– Давай спросим бабу Маню! Посмотрим, как там в поле? Никогда прежде не видела восхода солнца за пределами техногорода! – взволнованно проговорила Галочка и принялась подбирать себе одежду с восторгом маленькой девочки.

Вася, поражённый бодростью жены с раннего утра, перестал бурчать и, вздохнув, оделся в первое попавшееся под руку. Галочка же с особой тщательностью составляла свой наряд. Вскоре она предстала перед мужем в образе скромной девушки образца столетней давности.

– Откуда у тебя…такое? – ошеломлённо спросил её Вася.

– Какое такое? – прищурив глаза, воскликнула Галя.

– Красивое…нездешнее…очень…женское, – неуверенно ответил Вася, восхищаясь чудесным преображением жены.

– Это моя бабушка сохранила праздничный наряд своей мамы, семейная реликвия! Только это секрет, мама не знает – она всегда была против подобных воспоминаний! Знаешь ведь про правило независимости от своего рода? – тихо проговорила Вася.

– Это просто чудо! Ты в нём…восхитительна! Про правило знаю, все школьные годы нам его внушали… И я даже не помню, когда я видел своих родителей в последний раз… Вроде как не принято, но…разве это нормально, что все живут сами по себе и не знают, откуда они? – восхищённо и одновременно задумчиво воскликнул Вася.

– Да, и я так думаю…мы не знаем, кто мы, откуда, мы не говорим со своими родными, видим их раз в несколько лет и чувствуем, что нам и поговорить-то не о чем… Да ведь и мы с тобой никогда не говорим! Только вот вчера в бане, потом у реки…словно пелена спала с глаз! Зато в техногороде мы одни из самых успешных! Мы как…винтики в чьём-то механизме. Мы такие идеальные, знаем все протоколы, соблюдаем правила нашего общества, но ничего не чувствуем! Может, у нас нет души? – страстно воскликнула Галочка.

– Не думаю! У тебя она точно есть! Я вижу её в твоих живых глазах! В том, как ты чувствуешь и радуешься природе! В твоих тёплых прикосновениях! В любовании этим нарядом! Мы ведь знаем, что всё это в техногороде нас не устраивает, так что же, мы бездушные? Бездушным было бы всё равно! – горячо возразил ей Вася и привлёк её к себе, нежно погладив по волосам.

– Вася, как хорошо, что ты рядом! Пойдём скорее умываться и завтракать! Я страшно голодная! – улыбнулась Галочка и ласково прижалась к его щеке.

– Вот это аппетит! Мне нравятся аппетитные девушки с хорошим аппетитом! – скаламбурил он, тепло улыбаясь жене.

Довольные друг другом они вышли в гостиную. Баба Маня растапливала большую русскую печь и мило беседовала с мужчиной в рабочей одежде. Он был моложав, но все его жесты излучали зрелое спокойствие и уверенность. На его невозмутимом лице сидели очки в дорогой оправе, а рабочий комбинезон был элегантен и чист. И он был так похож, так похож на…

– Вась, это же Геннадий из Станции 3-П, пропавший пару месяцев назад! Помнишь? Его так и не нашли, и в медианете писали всякие ужасы про повстанцев, инопланетян и социальную деградацию! – жарко зашептала Галочка Васе на ухо.

Вася нахмурил лоб и пристально посмотрел на мужчину в дорогих очках.

– Доброе утро! – произнёс он громко, наблюдая за реакцией мужчины.

Тот медленно развернулся в сторону приветствия, не дрогнув и мускулом. Баба Маня тоже повернулась на голоса и добродушно улыбнулась.

– Доброе утро! – вежливо произнёс Геннадий и пристально посмотрел на гостей.

– Доброе утро, дорогие мои! Садитесь у печки, погрейтесь, испейте горячего взвару! А там и завтрак подоспеет! Чай, разбудила я вас шумом своим, извиняйте! – тепло произнесла баба Маня.

– Что вы, нисколько нам не помешали, самим захотелось пораньше встать! – прощебетала Галочка, с любопытством заглядывая в кастрюльки на печке.

– Что ж, Геннадий, рад встрече! Скажешь что-нибудь? – напряжённо произнёс Василий, не отводя пытливого взгляда от своего бывшего сотрудника и партнёра.

– Взаимно, Василий! Наверно, скажу, если ты готов выслушать меня! – просто ответил тот.

Галочка не стала участвовать в этом мужском поединке взглядов. Она принялась обсуждать с бабой Маней тонкости приготовления томлёных каш и деревенских блинчиков. Для неё это было настоящим открытием: оказывается, готовить еду могут не только повара! В техногороде питанием занимались исключительно профессионалы, ведь жители не должны были тратить время на подобные вещи! Они должны были эффективно трудиться и всецело посвящать себя работе. Прежде Галочке такое положение вещей казалось совершенно нормальным, теперь же у неё зародились сомнения: а вдруг можно иначе? Встать утром, приготовить то, что хочется, и с любовью подать мужу! Сколько утраченной теплоты, сколько нежности было в этом! И сколько возможностей! Галочка решила всё изменить! Немедленно!

Василий с Геннадием тоже решили что-то изменить и поэтому, не сговариваясь, вышли из дома. Они молча прошли сад, картофельное поле и все хозяйственные постройки. Впереди простирался зелёной гладью широкий луг и несла свои воды спокойная река. Первым заговорил Вася:

– Неужели нельзя было просто предупредить меня?

Геннадий отрицательно покачал головой.

– Вася, в техногороде так нельзя, разве ты ещё не понял? Я единственный из класса в школе тайно общался с роднёй и регулярно ездил к бабушке под предлогом производственных работ на периферии! Знаешь, сколько раз за это меня вызывали принципиалы? А что довелось пережить моим родителям? Не знаешь. Поэтому я не мог так рисковать. Тем более что в результате мне удалось осуществить свой грандиозный план, разрабатываемый много лет! И так родилась программа «Сельская новь» во всех агентствах впечатлений! Так я построил лесопильный бизнес, ферму и помог жителям бабушкиного села подняться на ноги! Но самое главное: так я смог сделать многих жителей техногорода сельчанами! По их собственному желанию, понимаешь? – страстно произнёс Геннадий.

Вася ошарашенно уставился на своего бывшего партнёра.

– Ген, так это ты всё это сотворил? Как же тебе позволили?! – изумился он.

– Как? Вот так. Я отдал им всё, что принадлежало мне в техногороде, отказался от всех статусов и выплат, согласился, чтобы меня считали пропавшим или похищенным, оборвал все социальные связи…кроме родственных, конечно! И сумел защитить свою программу так, чтобы её считали вполне легальной программой путешествий, невероятной экзотикой. Кто ж поверит в то, что деревни и сёла существуют, что жизнь вне техногородов есть и она значительно приятней, когда столько лет, не одно поколение, убеждали в обратном? Поэтому принципиалы решили, что это неопасно для нашего рафинированного общества протоколов. Так что вот, Вася, теперь выбирай сам, как тебе жить дальше! – с чувством ответил Гена.

Вася испуганно посмотрел на него, а затем перевёл взгляд на чистое, свободное поле. В небе резвились маленькие певчие птички, вдали проплывали лёгкие облака, а к горизонту простирался цветочный луг,

гудящий от монотонной работы пчёл и шмелей. Прежде Вася видел всё это лишь в проецируемой реальности, и голос за кадром рассказывал, что когда-то жизнь на Земле была именно такой. Теперь же о ней остались лишь воспоминания и старые видеозаписи. Голос уверенно напоминал о том, что в техногороде отказались от избыточного потребления, подчинили свою жизнь протоколам и сберегли таким образом те немногие места, где ещё можно увидеть море, горы и леса. Однако все животные там были результатом виртуальных проекций. Потому что предыдущие поколения уничтожили их. Так стоит ли поддерживать родственные связи с теми, кто лишь потребляет и уничтожает всё вокруг? Такова была логика современных техногородов, которые управляли жизнью на Земле. Однако Вася ощущал в ней какую-то необъяснимую фальшь. Каким образом разлука с родителями в юном возрасте и учёба в дистант-школе могли помочь ему стать более разумным и сберегающим по отношению к окружающей среде? Как люди, отрезанные от своих предков, могли построить что-то новое, не зная своих корней и не имея никакой опоры в жизни? По сути, они потребляли ещё больше предыдущих поколений: в этом были их смысл и утешение.

Здесь же, на селе, за пределами техногорода природа опровергала все искусственно насаждённые догмы просто самим фактом своего существования. Птицы пели и садились на ветви совсем близко от людей, с любопытством склоняя свои маленькие головки к тому, что видели. От живых летящих, гудящих насекомых воздух казался густым и насыщенным. Словно разум планеты, взывал он к своим гостям и демонстрировал жизнь деятельную и настоящую. Домашние козы подошли к Васе и Гене и принялись облизывать их руки и мягко тереться о них, выпрашивая угощение. Гена улыбнулся и сунул им заранее заготовленные морковки. Козы радостно заблеяли и немедленно поглотили предложенное, помахивая своими весёлыми хвостиками. Вася погладил их, ощущая ладонью тёплую, жёсткую шерсть и движение мышц под кожей. Они были реальными,